

ИСТОРИЯ РОССИИ

УДК 03.23.25

А. В. Соболевский

РОЛЬ ПРАВЯЩЕЙ ДИНАСТИИ РУССКОГО ЦЕНТРАЛИЗОВАННОГО ГОСУДАРСТВА В УТВЕРЖДЕНИИ ПАТРИАРХАЛЬНОГО ТИПА СЕМЬИ В XVI–XVII ВЕКАХ

Статья посвящена выявлению влияния семейного уклада и политического имиджа российской царствующей династии в XVI–XVII вв. на утверждение единовластия и ослабление родовых связей в русской семье.

Ключевые слова: *Российское государство, правящая династия, патриархальный тип семьи, эволюция брачно-семейных отношений.*

В отечественной историографии сравнительно слабо разработан (видимо, в силу общей скудости источников по истории частной жизни) вопрос об эрозии в брачно-семейных отношениях родового принципа в пользу утверждения принципа патриархальной власти главы семейства.

Нельзя сказать, что эта тема до сих пор совсем не затрагивалась в историографии. Так, борьба «родового» начала с «государственным» в общем плане стала объектом пристального внимания и базисом концепции исторического пути России крупнейшего русского историка С. М. Соловьёва. Как известно, его идеи, хотя и с заменой терминов на более идеологически выдержанные, во многом легли в основу и советской историографической концепции, найдя отзвук в многочисленных трудах ее последователей [1, с. 65].

Что же касается изучения данного процесса специально в области брачно-семейных отношений, ему повезло меньше. Во-первых, следует отметить, что если дореволюционная историография обращалась к этой теме во многом эпизодически и без учета всего объема имеющихся источников, то советская историография ограничилась едва ли не единственной специальной монографией на тему истории частной жизни Б. А. Романова [2]. Так, Н. Л. Пушкарёва, которая и сейчас занимает позиции наиболее крупного профессионального исследователя в этой области, свидетельствует, что доказать научную актуальность данной тематики ей было еще в 1980-е гг. весьма непросто [3, с. 166]. Во-вторых, и сама Н. Л. Пушкарёва, и те сравнительно немногочисленные исследователи, которые идут по ее стопам, физически не могли уделить пристальное внимание всем эпохам и всем исследовательским проблемам в истории частной жизни нашего отечества. Так, XVI в. они признают во многом переломным [4, с. 6], но скудость источниковой базы как по сравнению с последующим, так и в некоторых отношениях даже с предыдущим

периодом делает обращение к нему не очень благодарной задачей [5, с. 9]. Вот почему остаются еще некоторые аспекты истории брака и семьи этого столетия, где есть возможность дополнить и уточнить выводы наших предшественников.

Цель данной работы – выявление влияния сложившегося в ходе централизации России образа правящей династии и ее семейного уклада на вытеснение из брачно-семейной сферы элементов старого родового уклада. Для достижения данной цели необходимо проанализировать свидетельства источников о первоначальном бытовании данных элементов и исчезновении их в дальнейшем, а также выяснить, какие особенности семейного уклада правящего рода (Рюриковичей, затем Романовых) и их политического имиджа могли повлиять на этот процесс.

Датская исследовательница Э. Вестергорд обратила внимание на примечательную особенность эволюции одного и того же женского персонажа германского героического эпоса. Гудрун (Кримхильда), сестра Вэльсунгов (Нибелунгов) и жена Атлы (Этцеля, исторического Атилы) в скандинавской песне, относимой исследователями к периоду не позднее IX в., убивает собственных детей, чтобы отомстить второму мужу за гибель братьев, несмотря на то что они в свое время убили ее первого мужа, тогда как в обработке того же сюжета немецким рыцарским романом XIII в. «Песнь о Нибелунгах» та же самая героиня организует убийство братьев при помощи второго мужа, мстя за смерть первого. Исследователь убедительно интерпретирует подобную почти зеркальную инверсию сюжета тем, что к XIII в. в германском обществе отношения родства сменились «договорными» отношениями (к которым относится в том числе и брак) и, следовательно, естественным выбором в трагической ситуации конфликта между родней по крови и «малой семьей» становилась верность второй, т. е. мужу и детям, несмотря на то

что в детях течет лишь половина материнской крови, а с братьями кровное родство является полным [6, с. 67–78]. Человеку нашего времени подобный взгляд может показаться парадоксальным, учитывая естественную биологическую связь матери с детьми, однако сходные мысли можно найти у героини древнегреческой трагедии Софокла «Антигона», утверждающей, что брат ценнее мужа и детей в силу того, что последние могут быть заменены новыми [7, с. 213] (объяснение несколько рационализированное, но важен сам факт предпочтения родства договору, которое, кстати сказать, является и основным сюжетом трагедии, где родовые связи противостоят государственным законам, а симпатии автора явно на стороне первых).

Итак, в Европе, во всяком случае Северной, поскольку в Средиземноморском регионе значительно дольше сохранял свое значение так называемый линьяж, то есть большая семья с включением боковых ветвей родственников, уже к XIII в. «договор» явно доминирует над «родом», что находит подтверждение и в дальнейшем. Так, даже в архаичном обществе Шотландии в XVIII в. одна из баллад рассказывает, что убийца любовника своей сестры не может найти у нее убежища и, наоборот, находит его у сестры убитого, которая являлась одновременно его возлюбленной [8, с. 279]. Данная коллизия при всей ее литературной условности как нельзя лучше подтверждает выводы Э. Вестергорда. Нет необходимости специально останавливаться на том, что подобная быстрая эрозия родовых отношений способствовала быстрому утверждению не только брака, но и иных «договорных» общественных институтов вплоть до механизмов либеральной демократии.

Но в Европе, как показано трудами многих исследователей, решающую роль в ранней победе «договорных» отношений сыграло становление классического феодализма, который, в свою очередь, сложными путями вырастает из синтеза античной и варварской культурных традиций [9, с. 9–17]. Ничего подобного на Руси, практически не знавшей античного влияния, а кроме того, отличающейся неблагоприятными условиями хозяйствования и на этом фоне значительно более прочными общинными структурами, быть, конечно, не могло. Однако для всех, кто хотя бы поверхностно знаком с традиционным, «патриархальным», или, как его иногда называют, «домостроевским», укладом жизни, сохранявшимся относительно нетронутым еще в XIX в., не может быть сомнения в том, что брачные узы, безусловно, преобладали, во всяком случае для женщины, над всяческими иными.

Примеров можно было бы привести очень много, но одним из наиболее ярких и убедительных может служить рассказ Ф. М. Достоевского

«Акулькин муж», входящий как составная часть в «Записки из мертвого дома» и построенный в значительной степени на знакомстве автора во время пребывания в остроге с действительными чертами народной ментальности и быта. Девушка из богатой семьи, выданная волей случая со значительным приданым за неимущего и незначительного как личность парня, подвергается ежедневному избиению со стороны своего нового мужа, однако родители жены ничего не могут с этим поделать. «Сначала старик, Анкудим-то вступался, сам приходил: „Ты, говорит, еще не Бог знает, какой член; я на тебя и управу найду!“» А потом отступился. А Марья-то Степановна так смирилась совсем» [10, с. 252]. Действительно, несмотря на богатство и влияние, «найти управу» на законного мужа было фактически невозможно; сочувствия в обществе посягательство на его «права» встретить не могло.

Однако всегда ли подобная ситуация всевластия мужа была характерна для русского общества? Отнюдь не всегда. Несмотря на скудость источникового материала по истории Древней и Средневековой Руси, можно утверждать, что по крайней мере в элитарных кругах выход замуж не означал для девушки ни прекращения связей с родительским домом, ни даже в какой-то степени прекращения подвластности ему. Так, например, в княжеских междоусобицах Киевской Руси встречаются примеры расставания жены с мужем по требованию отца (Мстислав Новгородский, отец жены Ярослава Всеволодовича, 1118 г.) и, наоборот, демонстративной отсылки жены к отцу поссорившимся с последним мужем (Роман Галицкий, муж дочери Рюрика Киевского, 1195 г.) [4, с. 24]. Жена знаменитого князя Андрея Боголюбского, согласно преданиям, участвовала в заговоре против мужа вместе с остальными членами своего рода [11, с. 159]. В одной из новгородских грамот XII в. содержится просьба о помощи к брату против мужа, обвинявшего написавшую грамоту женщину в хозяйственной самостоятельности [12, с. 114]. Даниил Заточник, автор знаменитого произведения, хотя и не прямо, но все же в одном контексте говорит и о злой жене, не повинующейся мужу, и о неразумности женитьбы бедного на богатой невесте [13, с. 195]. Очень характерна и норма Русской Правды, которая не делает пологого различия в браке как причине похолопления: брак свободного с «рабой» так же делает его холопом, как и брак свободной с холопом влечет за собой ее «рабство» [14, с. 452]. Даже в значительно более поздние времена Иван III не видел никаких препятствий к тому, чтобы ультимативно требовать от своей дочери проводить нужный ему политический курс (впрочем, «с позиции силы» он требовал и от ее

мужа, литовского великого князя Александра, не пытаться склонить его дочь к перемене веры), а сама Елена Иоанновна в письмах к отцу называла себя его «девкой и служебницей», в униженных выражениях прося его занять более благожелательную позицию по отношению к Литве. Возможно, эти письма писались под давлением; фактом, однако, остается то, что Елена в религиозном и, возможно, в иных отношениях осталась послушна воле отца (после смерти мужа пыталась вернуться в Россию), что и навлекло на нее ненависть местной знати, завершившуюся, если верить источникам, отравлением [15, с. 238–325].

Когда же и, главное, почему произошел в России переход от «родства» к «договору» в брачно-семейной сфере? Н. Л. Пушкарева свидетельствует, что большинство зарубежных исследователей еще в конце 80-х гг. XX в. соглашались с тем, что ограничение имущественной и общественной самостоятельности женщины начинается с конца XV в. [12, с. 208]. Существует также консенсус относительно того, что венчальный брак окончательно утверждается в элитарной среде в XVI в. (в крестьянстве значительно позже) [16, с. 105]. И то, и другое, конечно, лишь косвенно свидетельствует об утверждении в тот же период внутрисемейного единоначалия и прекращении возможности вмешательства рода жены во внутрисемейную жизнь, но это можно реконструировать на основании других данных.

Принимая во внимание относительную скудость источников по истории частной жизни даже элитарных слоев общества, не говоря уже о массах горожан или крестьян, можно взять в качестве показательного примера брачно-семейные отношения внутри правящего рода. При всей, казалось бы, очевидности данной возможности не известны работы, где они были бы специально проанализированы под этим углом.

Прежде всего напомним всем известный факт, что после Ивана III, вторым браком женатого на византийской царевне Софье Палеолог, ни один из русских правителей допетровского времени династических браков в собственном смысле этого слова не заключал (хотя неудачные попытки бывали). Причины этого могли иметь разнообразный характер: дипломатические трудности, вероисповедный и культурный барьер и т. д. Интересно, однако, то, что если в первое время этого периода (при Василии III и Иване IV) встречаются случаи если и не равнородных, то все же достаточно знатных «царских невест» (из рода бояр Романовых, князей Глинских, черкасских князей), то позднее утверждается практика выбора цариц из захудалых родов (Стрешневы, Милославские, Нарышкины, Грушецкие, Апраксины). Лишь Пётр I и его брат

Иван V вновь получают жен более или менее «хорошего рода» (Лопухина, Салтыкова).

Напрашивается объяснение этой особенности нежеланием «создавать временщиков». Действительно, известно, что и Глинские, и Романовы в свое время вызвали столь сильное негодование своим усилением у кормила власти, что оно привело к актам неповиновения верховной власти (1547, 1553 гг.) [17, с. 23, 70]. Впрочем, та же судьба постигла и худородных Нарышкиных во время стрельцкого бунта (1682 г.) [18, с. 391]. Попытка же Михаила Фёдоровича породниться с одним из самых могущественных княжеских родов, Долгорукими, закончилась в 1624 г. смертью жены через пять месяцев после свадьбы [19, с. 249]. Вполне вероятно, что придворная среда «скорректировала» нарушение баланса политических сил. Косвенным свидетельством возможности этого служит господствовавшая при дворе в течение почти всего XVII в. боязнь колдовства и отравления [20, с. 72].

Осознанная или нет, политика царей по предотвращению чрезмерного усиления родственников жены содействовала тому, что такая возможность постепенно устранялась как таковая и не только для царствующего дома, но и, как можно предположить, для общества, которое еще в XIX и даже в XX в. подражало правителям нередко вплоть до мелочей (достаточно вспомнить копирование чиновниками формы усов или бороды императора, непропорциональное распространение имен Александр и Николай среди дворянства).

Интересно отметить, что если в ранний период фиксируется недовольство аристократии «неравным» браком правителя (в «Повести о Петре и Февронии» [21, с. 638], в реальной истории в высказываниях князя Семена Ростовского, неудачно пытавшегося бежать в Литву [17, с. 82]: в обоих случаях звучит одно и то же утверждение о позоре для бояр иметь госпожой «худородную» царицу; косвенно также в крамольных высказываниях боярина Берсеня Беклемишева [22, с. 142]), то в более позднее время таких случаев не наблюдается. Вероятно, идея безразличности происхождения жены, состоящей всецело под властью мужа, утверждается и среди сословий, во всяком случае привилегированных.

Если для Василия III царевич Пётр, женатый на его сестре (некоторые считают его даже возможным наследником престола в период бездетности правителя) [23, с. 99], а для Ивана Грозного его родственники по матери, Глинские, были опорой, то в XVII в. мы не обнаруживаем чрезмерного возвышения свойственников царя. Так, например, отец царицы Л. С. Стрешнев вообще не занимал никаких государственных должностей (хотя и сде-

лался крупным землевладельцем) [24, с. 580]. Местнические счеты, насколько они известны с конца XV в., принимают во внимание только мужское родство [25, с. 114]. Наконец, известная боярыня Морозова во второй половине XVII в. рассуждает о потенциальной жене своего сына: «та девица лутче, которая породю похуже». В каком смысле она «лутче», конечно, сказать трудно [4, с. 20]; но важно то, что «доброта» породы не воспринималась уже в качестве первоочередного критерия.

Дополнительным подтверждением вышесказанному могут служить и судьбы представительниц царствующего дома женского пола. Характерно безбрачие большинства царевен династии Романовых допетровского периода. Наиболее вероятной его интерпретацией может служить убеждение, что неравномерный брак (при невозможности династического в силу религиозных барьеров) унизил бы особу царской крови, подчинив ее власти человека низкого происхождения. Таким образом, в этом также можно видеть косвенное свидетельство сложившейся уже практики единовластия мужа в семье. Но и неуступчивость правительства в тех редких случаях, когда династические браки все-таки заключались (или проектировались), нежелание отдавать в качестве приданого земельные территории показывают, что за естественную норму принималось безусловное главенство мужа над женой, в данном случае нежелательное [20].

Однако не только устройство непосредственно царской семьи служило для подданных образцом и примером для подражания. Вероятно, не меньшее символическое значение играла сама модель единовластия, приходящая на смену иерархической пирамиде корпораций. Как отмечают исследователи, образ государя – «старшего брата» по завершении централизации сменился образом государя-«отца», в том числе и по отношению к бывшим «братьям» [26, с. 150]. Наиболее трагическая судьба постигла в рамках этой перестройки ближайших мужских родственников правителя, что заставило А. Курбского даже назвать московскую ветвь Рюриковичей «кровопийственным родом» [27, с. 92]. Будучи «естественными мятежниками», братья правителя, находясь под постоянным подозрением (так, Василий III окружил своих братьев шпионами и не давал им жениться) [28, с. 17], рано или поздно падали его жертвой (правда, по смерти неизменно находили по статусу место упокоения рядом со своими гонителями). В конечном итоге эта политика привела к физическому вымиранию московских Рюриковичей в 1598 г. В свою очередь, амбиции служилых князей, влившихся в процессе централиза-

ции в ряды боярства, были подавлены различными мерами – от дипломатического маневрирования до репрессий опричнины (хотя ее нельзя рассматривать в качестве последовательной антибоярской и даже антикняжеской политики) [17, с. 197]. Итоги этой политики наиболее ярко проявились в двух высказываниях, сохранных иностранными свидетелями. Первое, записанное в 1520-х гг. австрийским послом С. Герберштейном, говорит, что «Если у нас с ними заходила речь о литовцах, они обыкновенно с усмешкой говорили: „Когда их король или великий князь приказывает кому-либо из них отправляться с посольством или в какое другое место, то получает в ответ, что-де жена больна или лошадь хрома. А у нас не так, – говорят они смеясь, – если хочешь, чтобы голова была цела, отправляйся по первому приказу“» [29, с. 113]. Второе, также используемое для наглядности сравнение с соседним польско-литовским государством приводит в своем дневнике поляк С. Маскевич: «Русские отвечали: „Вам дорога ваша воля, нам неволя. У вас не воля, а своеволие: сильный грабит слабого; может отнять у него имение и самую жизнь. Искать же правосудия по вашим законам долго: дело затянется на несколько лет. А с иного и ничего не возьмешь. У нас, напротив того, самый знатный боярин не властен обидеть последнего простолюдина: по первой жалобе царь творит суд и расправу“» [30, с. 56]. Данные свидетельства лучше, нежели любые нормативные или дидактические тексты, показывают сложившуюся практику определенного «равенства в подчинении», стирания (до известной степени) сословных границ перед единовластием государя. Иван Грозный, утверждая в письмах Курбскому, что перед его лицом «все холопы» [31, с. 26] независимо от происхождения, конечно, говорил не о действительном, а лишь о желаемом, но тем не менее речь шла не об утопии, а об идеале, могущем служить и практическим ориентиром.

То, что образ политического единовластия действительно становился моделью для организации семьи, можно видеть далеко не на одном примере. Самым ярким из них, конечно, является «Домострой», автор (точнее, редактор) которого Сильвестр представлял в своем лице и верхушку посадских кругов, и придворную бюрократию, и духовенство [32, с. 324]. Последовательно проведенный принцип единоличной власти «государя» дома (еще в XV в. слово «государь» в отличие от «господин» обозначало неограниченного владыку, например по отношению к холопам) [26, с. 270] над всеми домочадцами, от жены и детей до слуг, а также его ответственности за правильность их поведения сделал это сочинение хрестоматийно известным

памятником последовательно проведенного патриархального принципа. Слово «государь» по отношению к мужу занимает прочное положение в культуре последующего времени. Как отмечает Н. Л. Пушкарёва, одной из особенностей эпистолярного этикета XVII в. было стремление женщин отчитываться во всех своих хозяйственных делах и просить при этом совета, подчеркивая свою немощь, даже если из контекста явно следует обратное, т. е. рациональная и жесткая хозяйственная хватка [4, с. 34].

Одним из косвенных показателей укрепления патриархальной семьи в позднем русском Средневековье является и динамика поводов для развода, из списка которых исчезает неспособность мужчины материально содержать семью [4, с. 25]. Это очень яркий показатель сокращения возможности для женщины самостоятельно или с помощью кровных родственников судить о правомерности поведения своего «государя». К слову, по материалам того же времени Н. Л. Пушкарёва приходит к выводу, что «если заключение ее (брачной сделки) было прямо зависимо от родителей вступающей в брак, то расторжение должно было быть делом сугубо личным» [4, с. 29].

Таким образом, несмотря на значительный недостаток источников, в процессе исследования подтверждается первоначальное предположение, что в период завершения централизации Русского государства, который в основном приходится на XVI в. (в некоторых аспектах от XV до XVII в.), параллельно с утверждением в большинстве сословий венчального брака устраняется прежде довольно значительная связь женщины с отцовским родом и во внутрисемейных отношениях утверждается тот тип почти неограниченного господства главы семьи, который в публицистике обычно принято называть «домостроевским». При этом в отличие от Западной Европы, где решающую роль в замене родовых отношений договорными играло утверждение феодализма, в России одним из ведущих (хотя и не единственным) факторов этого исторически неизбежного модернизационного процесса стало утверждение единовластия московских государей и некоторого стирания сословных различий перед его лицом. При этом правящая династия стала образцом для новой модели семьи как в плане непосредственной организации своей собственной частной жизни, так и в патерналистской роли «отца» всех своих подданных.

Список литературы

1. Иллерицкий В. Е. Сергей Михайлович Соловьев. М.: Наука, 1980. 192 с.
2. Романов Б. А. Люди и нравы Древней Руси. М.: Наука, 1966. 240 с.
3. Пушкарева Н. Л. Историческая феминология в России: состояние и перспективы // *Общественные науки и современность*. 2003. № 6. С. 164–173.
4. Пушкарёва Н. Л. Частная жизнь женщины в доиндустриальной России. X – начало XIX в. Невеста, жена, любовница. М.: Ладомир, 1997. 381 с.
5. Соболевский А. В. Архаизирующая и модернизирующая тенденции в трансформации уклада сексуальной жизни русского общества в XVI в. // *Вестн. Томского гос. пед. ун-та*. 2013. Вып. 7 (135). С. 9–14.
6. Вестергорд Э. Родство против договора. Германский героический эпос глазами исторического антрополога // *Другие средние века. К 75-летию А. Я. Гуревича* / сост. И. В. Дубровский, С. В. Оболенская, М. Ю. Парамонова. М., СПб.: Университетская книга, 1999. 463 с.
7. Античная драма / под ред. Т. Блантер. М.: Художественная литература, 1970. 768 с.
8. Бернс Р. Стихотворения, поэмы. Шотландские баллады / под ред. Е. Осенева. М.: Художественная литература, 1976. 448 с.
9. Люблинская А. Д. Типология раннего феодализма в Западной Европе и проблемы романо-германского синтеза // *Средние века*. М.: Изд-во АН СССР. 1968. Вып. 31. 332 с.
10. Достоевский Ф. М. Записки из мертвого дома. М.: Азбука-классика, 2011. 416 с.
11. Плюханова М. Б. Сюжеты и символы Московского царства. СПб.: Акрополь, 1995. 336 с.
12. Пушкарева Н. Л. Женщины Древней Руси. М.: Мысль, 1989. 286 с.
13. Слово Даниила Заточника // *Памятники литературы Древней Руси. XII в.* / сост. и общ. ред. Л. А. Дмитриева и Д. С. Лихачева. М.: Художественная литература, 1980. 736 с.
14. Правда Русская. Т. 1. Тексты / под ред. Б. Д. Грекова. М.: Изд-во АН СССР.
15. Церетелли Е. Елена Ивановна, великая княгиня литовская, королева польская. СПб.: Типография И. Н. Скороходова, 1898. 356 с.
16. Белякова Е. В., Белякова Н. А., Емченко Е. Б. Женщина в православии: церковное право и российская практика. М.: Кучково поле, 2011. 704 с.
17. Флоря Б. Н. Иван Грозный. М.: Молодая гвардия, 2003. 403 с.
18. Россия при царице Софье и Петре I: Записки русских людей / сост. А. П. Богданов. М.: Современник, 1990. 445 с.
19. Забелин И. Е. Домашний быт русского народа. Т. 2. Домашний быт русских цариц в XVI и XVII столетиях. М.: Типография Грачева и Ко, 1869. 670 с.

20. Цветаев Д. В. Из истории брачных дел в царской семье московского периода. М.: Университетская типография, 1884. 106 с.
21. Повесть о Петре и Февронии Муромских // Памятники литературы Древней Руси. Конец XV – первая половина XVI в. / сост. и общ. ред. Л. А. Дмитриева и Д. С. Лихачева. М.: Художественная литература, 1984. 768 с.
22. Отрывок следственного дела об Иване Берсене и Федоре Жареном // Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедицией императорской Академии наук. Т. I. СПб.: Типография 2-го Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1836.
23. Зимин А. А. Россия на пороге Нового времени. М.: Мысль, 1972. 452 с.
24. Русский биографический словарь. Т. 19. Смеловский – Суворина / Изд. под наблюдением председателя Императорского Русского исторического общества А. А. Половцова. СПб.: Тип. товарищества «Общественная польза», 1909. 608 с.
25. Эскин Ю. М. Очерки местничества в России XVI–XVII вв. М.: Квадрига, 2009. 512 с.
26. Борисов Н. С. Иван III. М.: Молодая гвардия, 2003. 644 с.
27. Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XVI века / сост. Д. С. Лихачев. М.: Художественная литература, 1986. 640 с.
28. Кром М. М. Челобитная и «запись» Ивана Яганова // Русский дипломатарий. Вып. 6. М.: Памятники исторической мысли, 2000. 300 с.
29. Герберштейн С. Записки о Московии. М.: Изд-во Московского государственного университета, 1988. 430 с.
30. Дневник Маскевича 1594–1621 // Сказания современников о Димитрии Самозванце / под ред. Н. Г. Устрялова. Ч. 1. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1859. 464 с.
31. Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским / текст подготовили Я. С. Лурье и Ю. Д. Рыков. Академия наук СССР. Л.: Наука, 1979. 431 с.
32. Сильвестр // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2 (вторая половина XIV–XVI вв.). Ч. 2. Л – Я / под ред. Д. М. Буланина, Г. М. Прохорова. М.: Наука, 1989. 528 с.

Соболевский А. В., старший преподаватель.
Томский государственный педагогический университет.
Ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061.
E-mail: alexios76@inbox.ru

Материал поступил в редакцию 28.12.2013.

A. V. Sobolevskiy

ROLE OF THE RULING DYNASTY OF RUSSIAN CENTRALIZED STATE IN MAINTAINING OF PATRIARCHAL TYPE OF FAMILY IN THE XVI–XVII CENTURIES

The article is devoted to the detecting of the influence of family life and political image of the Russian ruling dynasty in the XVI–XVII centuries on maintaining of autocracy and weakening of kinship ties within Russian family.

Key words: *Russian state, ruling dynasty, patriarchal type of family, evolution of marriage and family relations.*

References

1. Illeritskiy V. E. *Sergei Mikhailovich Solov'yev*. Moscow, Nauka Publ., 1980. 192 p. (in Russian).
2. Romanov B. A. *People and customs of ancient Russia*. Moscow, Nauka Publ., 1966. 240 p. (in Russian).
3. Pushkareva N. L. Historical feminology in Russia: state and prospects. *Social Sciences and Modernity*, 2003, no. 6, pp. 164–173 (in Russian).
4. Pushkareva N. L. *The Private Lives of women in pre-industrial Russia. X – the beginning of the XIX century. Bride, wife, mistress*. Moscow, Ladomir Publ., 1997. 381 p. (in Russian).
5. Sobolevskiy A. V. Archaizing and modernizing tendencies in the transformation of the Russian society sexual way of life in the XVI century. *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2013, vol. 7 (135), pp. 9–14 (in Russian).
6. Westergaard E. Kinship against agreement. German heroic epos with the eyes of historical anthropologist // *Other Middle Ages. For the 75th anniversary of A. Ya. Gurevich*. Comp. I. V. Dubrovskiy, S. V. Obolenskiy, M. Yu. Paramonova. Moscow, Saint Petersburg, Universitetskaya kniga Publ., 1999. 463 p. (in Russian).
7. *Antique Drama* / Ed. T. Blanter. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1970. 768 p. (in Russian).
8. Burns R. *Verses, poems. Scottish ballads*. Ed. E. Oseneva. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1976. 448 p. (in Russian).
9. Lublinskaya A. D. *Typology of early feudalism in Western Europe and the problems of Roman-Germanic synthesis*. Middle Ages. Issue 31. Moscow, USSR Academy of Sciences Publ., 1968. 332 p. (in Russian).
10. Dostoevskiy F. M. *The House of the Dead*. Moscow: Azbuka Klassika Publ., 2011. 416 p. (in Russian).
11. Plyukhanova M. B. *Subjects and symbols of the Moscow tsardom*. Saint Petersburg, Akropol' Publ., 1995. 336 p. (in Russian).
12. Pushkareva N. L. *Women of Ancient Russia*. Moscow, Mysl' Publ., 1989. 286 p. (in Russian).

13. Word of Daniel the Immured. *Literary Monuments of Ancient Rus. XII century*. Comp. and general editing L. A. Dmitriev and D. S. Likhachev. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1980. 736 p. (in Russian).
14. *Russkaya Pravda*. Vol. 1. Texts. Ed. B. D. Grekov. Moscow, USSR Academy of Sciences Publ., 1940. 506 p. (in Russian).
15. Tseretelli E. *Elena Ivanovna, Lithuanian Grand Duchess, Queen of Poland*. Saint Petersburg, I. N. Skorokhodova Publ., 1898. 356 p. (in Russian).
16. Belyakova E. V., Belyakova N. A., Yemchenko E. B. *Woman in Orthodoxy: canon law and the Russian practice*. Moscow, Kuchkovo pole Publ., 2011. 704 p. (in Russian).
17. Florya B. N. *Ivan the Terrible*. Moscow, Molodaya Gvardiya Publ., 2003. 403 p. (in Russian).
18. *Russia under Princess Sophia and Peter I: Memoirs of Russian people*. Comp. A. P. Bogdanov. Moscow, Sovremennik Publ., 1990. 445 p. (in Russian).
19. Zabelin I. E. *Home life of the Russian people*. Vol. 2. Home life of Russian tsarins in the XVI and XVII centuries. Moscow, Grachev and Co. Publ., 1869. 670 p. (in Russian).
20. Tsvetayev D. V. *From the history of marital affairs in the royal family of the Moscow period*. Moscow Universitetskaya tipografiya Publ., 1884. 106 p. (in Russian).
21. The Tale of Peter and Fevronia of Murom. *Literary Monuments of Ancient Rus. End XV – the first half of the XVI century*. Comp. and general editing L. A. Dmitriev and D. S. Likhachev. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1984. 768 p. (in Russian).
22. An excerpt of the investigation file of Ivan Bersen' and Fyodor Zhareny. *Acts collected in libraries and archives of the Russian Empire by Archeological Expedition of the Imperial Academy of Sciences*. Vol. I. Saint Petersburg, 2nd Division of His Imperial Majesty's Chancellery Publ., 1836. 548 p. (in Russian).
23. Zimin A. A. *Russia on the threshold of modern times*. Moscow, Mysl' Publ., 1972. 452 p. (in Russian).
24. *Russian Biographical Dictionary*. Vol. 19. Smelovsky – Suvorina. Ed. under the supervision of the chairman of the Imperial Russian Historical Society A. A. Polovtsov. Saint Petersburg, Association "Public benefit" Publ., 1909. 608 p. (in Russian).
25. Eskin Yu. M. *Essays on mestnichestvo in Russia XVI–XVII centuries*. Moscow, Kvadriga Publ., 2009. 512 p. (in Russian).
26. Borisov N. S. *Ivan III*. Moscow, Molodaya Gvardiya Publ., 2003. 644 p. (in Russian).
27. *Literary monuments of ancient Russia. The second half of the XVI century*. Comp. Likhachev. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1986. 640 p. (in Russian).
28. Krom M. Petition and "write" of Ivan Yaganov. *Russian diplomacy*. Issue 6. Moscow, Pamyatniki istoricheskoy mysli Publ., 2000. 300 p. (in Russian).
29. Gerberstein S. *Notes on Muscovy*. Moscow, Moscow State University Publ., 1988. 430 p. (in Russian).
30. Maskevitch Diary, 1594–1621. *Tales of contemporaries of Pretender Dimitri*. Ed. N. G. Ustrialov. Part 1. Saint Petersburg, Imperial Academy of Sciences Publ., 1859. 464 p. (in Russian).
31. *Correspondence of Ivan the Terrible with Andrew Kurbski*. Text prepared by Ja. Lurie and Ju. D. Rykov, Academy of Sciences of the USSR. Leningrad, Nauka Publ., Leningrad Branch, 1979. 431 p. (in Russian).
32. Sylvester. *Dictionary of the scribes and literature of ancient Russia*. Issue 2 (second half of the XIV–XVI centuries). Part 2. A-Ya. Ed. D. M. Bulanin, G. M. Prokhorov. Moscow, Nauka Publ., 1989. 528 p. (in Russian).

Tomsk State Pedagogical University.

Ul. Kievskaya, 60, Tomsk, Russia, 634061.

E-mail: alexios76@inbox.ru